

18+

Лилит Рокс

Хроники
Мертвого озера

Лилит Рокс

Хроники Мертвого озера

<https://litres.ru/73872253>

ISBN 9785006981645

Аннотация

После переезда в мрачный городок Силвер-Лок шестнадцатилетняя Рори Блэквуд обнаруживает, что местное черное озеро хранит столетнюю тайну. Призрак девушки по имени Элинор, утонувшей в день своей свадьбы, просит Рори о помощи. Вместе с новыми друзьями — Лили, Ноем и Илаем — ей предстоит раскрыть древнее убийство, противостоять загадочному Стеклянному человеку и закрыть врата между мирами, пока души утопленников не вырвались на свободу.

Содержание

Глава 1. Туман	5
Глава 2. Новая	19
Глава 3. Лавка старых вещей	41
Глава 4. Ночные голоса	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Хроники Мертвого озера

Лилит Рокс

Дизайнер обложки Лилит Рокс

© Лилит Рокс, 2026

© Лилит Рокс, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-8164-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Туман

Октябрь высасывал цвета из мира. За стеклом «шевроле» восемьдесят пятого года, который мать называла «наша последняя ценность», все давно стало серым: асфальт, небо, бесконечная лента деревьев, тянущаяся вдоль пустой трассы. Рори перестала смотреть на часы после того, как они в третий раз проехали мимо одной и той же бензоколонки с облупившейся вывеской Shell. Теперь время измерялось иначе — количеством выкуренных матерью сигарет. Пепельница на приборной панели уже напоминала оцетинившегося ежа.

Она прижималась лбом к холодному стеклу, и вибрация от мотора отдавалась в висках глухой, ноющей болью. После третьего часа лес перестал меняться. Рори смотрела, как на стекле от её дыхания появляется мутное пятно, искажающее и без того призрачный мир.

Мать курила, пуская дым в шелку приспущенного окна. Пепел срывался с сигареты серебристой струйкой и исчезал в серой мгле за спиной. Из динамиков, сквозь шипение дешевой магнитолы, Мадонна хрипло обещала стать для кого-то материалисткой. Кассету купили на последней заправке за три доллара, и теперь плёнка, кажется, начинала плавиться от жары.

— Рори, — голос матери прозвучал сухо, без просьбы, скорее как констатация факта. — Перестань дышать на стек-

ло. Оставишь разводы. Потом не ототрешь.

Рори отодвинулась. Она давно привыкла, что интонации матери — это не проявление злости, а просто режим энергосбережения. Как старая, уставшая батарея.

— Сколько еще? — спросила она, скорее чтобы нарушить тишину, чем из любопытства.

— Час. Может, два. — Мать вздохнула, гася окурок в пепельнице. — Терпи. Сама знаешь, я не хотела этого переезда не меньше твоего.

Рори ничего не ответила. Она знала только одно: её отец, который «просто собрал вещи и ушел, потому что так будет лучше», остался в Бостоне. Вместе с её старой школой, единственной подругой, которая перестала звонить через месяц после развода, и запахом пиццы из любимого кафе на углу. Вся её прошлая жизнь теперь умещалась в один чемодан, который, как чемодан без ручки — и нести тяжело, и бросить жалко.

Она снова прижалась к стеклу, но на этот раз не дышала. Лес за окном сгушался. Деревья, высокие сосны с тёмной корой, росли все ближе друг к другу, их ветви переплетались над дорогой, создавая живой тоннель. Свет пробивался сквозь них редкими, косматыми лучами. Рори показалось, что воздух за стеклом стал другим. Более плотным, тяжелым. Она почти чувствовала его вкус: приторно-сладкий, с примесью прелых листьев и чего-то еще, неуловимого, но навязчивого.

— Мам, здесь пахнет по-другому, — сказала она, удивившись собственному голосу.

— Чем? — спросила мать, не поворачивая головы.

— Не знаю. — Рори задумалась, пытаясь подобрать точное слово. — Тиной. Или рыбой. Только откуда здесь рыба? Мы же в лесу.

Мать промолчала. Но Рори заметила, как её пальцы сильнее сжали руль, побелев на костяшках.

Дорога резко пошла под уклон, и лес расступился, будто нехотя, открывая небо. Оно было тяжелым, набухшим дождём, который никак не мог пролиться. И под этим свинцовым небом, внизу, в широкой долине, лежало озеро.

Рори ахнула.

Она никогда не видела такой воды. Озеро было огромным — противоположный берег тонул в сизой дымке, терялся, исчезал. Но не размер пугал. Цвет. Вода была черной. Не темно-синей, не серо-зеленой, не цвета мокрого асфальта. А именно черной. Как нефть. Как смола. Как деготь, которым покрывают днища старых лодок. Вода лежала неподвижно, тяжело, словно не желая подчиняться ветру, гуляющему над ней. Казалось, она *смотрит* в ответ.

— Красиво, — сказала мать, и в голосе её не было уверенности, только желание убедить себя в этом. — Необычно.

Рори не ответила. Она смотрела на озеро, и в груди разрасталось странное, тошнотворное чувство — смесь первобытного страха и необъяснимого притяжения. Так бывает,

когда стоишь на краю высокой крыши и тело одновременно хочет отшатнуться и шагнуть вперед.

В этот момент она услышала звук.

Он пришел ниоткуда и отовсюду сразу. Низкий, гулкий удар колокола. Такой силы, что, казалось, вибрация прошла сквозь кузов машины, сквозь сиденье, сквозь её собственные кости. Звук прокатился по долине, отразился от леса, от воды, от самого неба и вернулся эхом.

— Мам, ты слышала? — выдохнула Рори, не веря своим ушам.

— Что? — мать нахмурилась, прислушиваясь.

— Колокол.

Мать замерла, вслушиваясь в тишину. Секунда. Две. Три.

— Нет, Рори. Здесь нет церквей. Мы в глуши. Здесь даже радио не ловит, только кассеты.

Рори обернулась к озеру. Звук повторился. Еще один удар, протяжный, печальный, полный такой тоски, что у неё защемило сердце. Она вгляделась в черную гладь и похолодела. Она видела, как по воде, от самого центра, пошли круги. Идеальные, ровные круги, расходящиеся во все стороны. Хотя ветра не было. Совсем.

— Там, — прошептала Рори, прижимаясь лбом к стеклу так сильно, что оно запотело от её дыхания. — В воде.

Мать бросила на неё быстрый, колючий взгляд. И в этом взгляде Рори увидела то, чего раньше никогда не замечала — страх. Не за себя. За неё, за Рори. Глубокий, давний страх,

который мать носила в себе годами.

— Нам пора, — сказала мать, резко нажимая на газ. Двигатель взревел, машина рванула вперед. — Темнеет.

Они покатались вниз, к городу, который виднелся на берегу озера. Рори вцепилась взглядом в открывшуюся панораму: скопление серых деревянных домов с острыми крышами, старая, полуразрушенная пристань, вдающаяся в воду, как сломанный палец. И две башни, два стража — церковь и маяк.

Церковная колокольня взрезала свинцовое небо, но колокол под её шпилем висел неподвижно, тёмный и тяжёлый. Он молчал. А на мысе, на самом краю, уже зажигался маяк. Белая башня с чёрной крышей, одинокая и строгая. Один живой глаз в наступающей темноте.

— Силвер-Лок, — прочитала мать название на покосившемся указателе, и голос её дрогнул. — Город на Серебряном озере.

— Почему озеро называют Серебряным, если оно черное? — спросила Рори, не отрывая взгляда от маяка.

Мать не ответила. Она смотрела только на дорогу, вцепившись в руль так, что побелели костяшки.

Город встретил их тишиной. Они въехали на главную, и единственную, улицу. Дома стояли плотно друг к другу, жалась за защитой, словно боялись пространства. Ставни на окнах были закрыты, хотя день только клонился к вечеру и свет был еще вполне терпимым. Ни детей, играющих в мяч,

ни собак, ни прохожих с сумками. Пустота.

На крыльце одного из домов, в старом плетеном кресле, сидел старик и курил трубку. Он смотрел прямо на их машину, но его глаза были пустыми, выцветшими, словно он видел не её, а что-то за её спиной. Что-то в той стороне, откуда они приехали. Рори, повинуясь странному импульсу, помахала ему рукой. Старик не ответил. Он даже не моргнул.

— Здесь все такие странные? — спросила Рори, когда они миновали старика.

— Привыкнешь, — отозвалась мать, и это прозвучало не как обещание, а скорее как приговор.

Их дом оказался на отшибе, почти у самого леса. Серый, двухэтажный, с облупившейся краской на веранде и пустым креслом-качалкой, которое мерно покачивалось на ветру. Сосны обступили его со всех сторон так плотно, что казалось, дом не стоит на поляне, а прячется в чаще, затаился, ждет.

— Наш новый дом, — сказала мать, глуша мотор. В наступившей тишине её голос прозвучал неестественно громко. — Ну как тебе?

Рори вышла из машины. Воздух ударил в лицо влажным, тяжелым одеялом. Он действительно пах рыбой. Густо, насыщено, как на берегу моря после шторма, хотя до воды, по её прикидкам, было не меньше десяти минут быстрой ходьбы. Тишина стояла абсолютная. Звенящая, плотная, она давила на уши так, что Рори слышала гул собственной крови.

Только колокол.

Он снова зазвонил. Один раз. Глухо, обреченно.

На этот раз мать вздрогнула и резко обернулась к озеру, которого отсюда не было видно.

— Ты слышала? — спросила Рори, хотя ответ уже знала.

— Да, — голос матери дрогнул, сорвался на шепот. — Идем в дом. Быстро.

Они почти взбежали на крыльцо. Мать дрожащими руками возилась с ключами, проклиная старый замок. Когда дверь наконец открылась, она втолкнула Рори внутрь и захлопнула её за собой, прижавшись спиной к дереву, словно за ними кто-то гнался.

Внутри пахло сыростью, старым деревом и нафталином. Мебель была чужой: темный дубовый шкаф с резными дверцами, на которых чьи-то руки вырезали странные символы — круги, перечеркнутые линиями, тяжелые бордовые шторы на окнах, пыльная люстра под потолком. В прихожей висело зеркало в потемневшей раме. Рори взглянула в него и увидела свое отражение — бледное, с огромными испуганными глазами, похожее на привидение.

Она начала подниматься по лестнице, и на каждом шагу её провожали глаза. Стены здесь были увешаны фотографиями в потемневших рамках — люди в старомодной одежде, с серьезными, не улыбающимися лицами смотрели на неё сверху вниз. Одна женщина, молодая, со светлыми волосами, уложенными в высокую прическу, привлекла её внимание. Она

стояла у самого края фотографии, будто хотела выйти из неё, и смотрела прямо в объектив. Прямо на Рори.

— Твоя комната наверху, — донеслось снизу. — Окна выходят на озеро.

Рори заставила себя отвести взгляд от фотографии и пошла дальше. Коридор наверху утопал в темноте. Единственная лампочка под потолком мигала, разбрасывая неровный, дергающийся свет. Дверь в конце коридора была приоткрыта, и из щели сочилась чернота.

Она толкнула дверь.

Комната оказалась маленькой, с косым потолком, из-за чего она напоминала каюту на корабле. Узкая кровать, покрытая шерстяным пледом в крупную красно-черную клетку. Письменный стол у окна, заваленный старыми журналами. Платяной шкаф, тот самый, с вырезанными символами — точно такими же, как внизу.

Но главным было окно.

Огромное, во всю стену, оно выходило прямо на озеро. Отсюда, с высоты второго этажа, оно казалось еще больше, еще чернее, еще бездоннее. Солнце почти село, и последние лучи окрашивали воду в густой, кроваво-багровый цвет. На мысе мигал маяк.

И на воде, прямо посередине этой багровой глади, горел еще один огонек.

Рори прижалась лицом к стеклу. Огонек был маленьким, дрожащим, голубоватым. Он не плыл по течению, а стоял на

месте. Просто горел посреди черной воды, никуда не двигаясь.

— Что это? — прошептала она, и её дыхание вновь затуманило стекло.

И в этот момент огонек исчез. Без вспышки, без звука. Просто погас, будто его и не было.

Рори зажмурилась, сильно, до разноцветных кругов, потерла глаза кулаками, снова посмотрела. На озере было темно. Только маяк мигал вдалеке, отсчитывая секунды.

— Показалось, — сказала она вслух, чтобы убедить себя. Голос прозвучал тонко и неубедительно.

Она отошла от окна, стараясь не смотреть на черный провал за стеклом. Разобрала постель, переоделась в пижаму. Старая пижама, привезенная из Бостона, пахла домом и показалась вдруг чужой и неуместной здесь.

Мать зашла пожелать спокойной ночи. Поцеловала в лоб быстрым, сухим поцелуем. Глаза у неё были уставшие, красные, и мысли, казалось, витали где-то далеко.

— Спи, Рори. Завтра трудный день. Новая школа. Новые люди.

— Я не хочу в новую школу, — буркнула Рори в подушку.

— Знаю. — Мать помолчала. — Но придется.

Дверь закрылась, щелкнул замок. Рори осталась одна в темноте. Она лежала, глядя в потолок, на котором плясали тени от веток за окном. Дом жил своей жизнью: скрипел, вздыхал, перешептывался сам с собой. Где-то ритмично ка-

пала вода. То ли плохо закрытый кран, то ли дождь начался.

Кап. Кап. Кап.

Она считала капли, чтобы отогнать страх. На двадцать седьмой её сознание поплыло, и она провалилась в сон.

Туман был тем же, что и на дороге. Только теперь он заполнял всё. Густой, как молоко, он струился между пальцев, обволакивал лицо, забивался в нос и рот сладковатым приторным привкусом гнили. Рори шла по берегу, не чувствуя под ногами гальки. Казалось, она плывет над землей.

Она знала, что это сон. Знала, но не могла проснуться.

Колокол звонил настойчиво, требовательно, и с каждым ударом туман сгущался всё сильнее, давил на грудь, мешал дышать.

— Иди сюда, — позвал голос. Женский, певучий, красивый. — Иди ко мне.

Рори пошла на голос. Она не хотела, но ноги сами несли её вперед, к воде, которая чернела сквозь белую пелену.

— Не бойся, — пел голос. — Я не сделаю тебе больно. Я просто хочу посмотреть на тебя. Ты похожа на неё.

— На кого? — спросила Рори, и голос её прозвучал глухо, словно из-под ваты.

— На ту, что была до тебя. Она обещала вернуться. — Голос дрогнул, в нем появились нотки отчаяния. — Ты вернулась?

Вода была уже у самых ног. Рори опустила взгляд и увидела свое отражение. Но это была не она. Из черной глуби-

ны на неё смотрело другое лицо. Меняющееся, текучее, как воск. Секунду это была красивая девушка со светлыми волосами, в белом платье. В следующую — её кожа серела, глаза становились черными безднами, а изо рта текла вода.

— Посмотри на меня, — попросил голос.

Рори подняла глаза.

Из воды поднималась девушка. Сначала появились руки: белые, полупрозрачные, с длинными тонкими пальцами. Потом плечи, шея, лицо. Мокрая, бледная, в белом платье, которое облепило её тело, как вторая кожа. Вода стекала с волос, с подбородка, с кончиков пальцев. Она стояла на воде, не погружаясь.

— Кто ты? — прошептала Рори.

Девушка наклонила голову, и вода хлынула из её рта, заливая подбородок, платье, стекая в озеро.

— Жду, — выдохнула она, и голос шёл словно со дна глубокого колодца. — Ты... вернулась?

— Я не знаю тебя.

— Знаешь. — Девушка шагнула ближе. Ледяные пальцы коснулись щеки Рори. — Там, — она свободной рукой указала куда-то в туман, за спину Рори. — Моя правда. В воде. Найди.

— Что найти? Где?

Но девушка уже таяла, растворялась в тумане. Только губы шевелились беззвучно, и Рори прочитала по ним одно слово:

«Освободи».

Рори закричала.

Она проснулась от собственного крика, раздирающего горло.

Сердце колотилось так, что ребра, казалось, сейчас треснут. Пижама прилипла к телу, мокрая от пота. В комнате было темно, только бледный, призрачный свет луны пробивался сквозь щель в шторах, рисуя на полу длинную светлую полосу.

Рори села на кровати, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Она все еще чувствовала на щеке прикосновение ледяных пальцев.

— Это просто сон, — прошептала она, зажимая рот руками, чтобы не разбудить мать. — Просто сон.

Она заставила себя встать. Ноги дрожали и подкашивались. Рори подошла к окну, отдернула штору.

Озеро лежало внизу, черное, спокойное, бесконечное. Луна, вырвавшаяся из-за туч, отражалась в воде длинной, дрожащей серебряной дорожкой.

И на середине этой дорожки горел огонек. Маленький, дрожащий, голубоватый.

А на дорожке, прямо напротив её окна, стояла девушка в белом. Она смотрела на Рори. И даже с такого расстояния, в темноте, Рори видела — она улыбается.

Шторы выпали из ослабевших рук. Рори отшатнулась от окна, споткнулась о стул, упала на кровать, забилась в угол,

натянув одеяло до самого подбородка.

Она не спала всю ночь. Сидела, вцепившись в одеяло, и смотрела на дверь. Ждала, что она откроется. И боялась, что это произойдет.

А когда за окном начало светать, и серый, безрадостный рассвет выполз из-за леса, она наконец решила снова подойти к окну. Огонек погас. Девушки не было. Только озеро — спокойное, черное, безмолвное.

Утром мать нашла её сидящей в углу комнаты. Рори сидела, обхватив колени руками, и сжимала в ладони маленький серебряный крестик. Она не помнила, откуда он взялся — просто в какой-то момент ночи он оказался у неё в руке. Маленький, нагретый её теплом.

— Рори, — мать присела рядом на корточки, голос её дрожал от страха. — Рори, что случилось?

Рори посмотрела на неё. Хотела рассказать всё. Про сон. Про девушку. Про огонек на озере. Про ледяные пальцы, которые коснулись её щеки. Но что-то внутри, какой-то древний инстинкт самосохранения, приказал ей молчать. Мать не поймет. Или поймет, и тогда станет только хуже.

— Мне приснился сон, — сказала Рори, и голос её прозвучал глухо, как у той девушки из кошмара. — Просто страшный сон.

— Просто сон, — с облегчением выдохнула мать и прижала её к себе. — Просто сон. Здесь новый дом, новая жизнь. Ты переволновалась. Это нормально.

Рори позволила себя обнять. Уткнулась лицом в плечо матери, вдохнула знакомый запах её духов, смешанный с запахом сигарет. И промолчала.

Мать помогла ей подняться, заставила умыться, одеться.

— Сегодня поедешь в школу? — спросила она осторожно.

— Может, отдохнешь денек?

— Нет. — Рори покачала головой. Она вдруг остро, до физической боли, захотела оказаться среди людей. В шуме, в гаме, в суете. Подальше от этой тишины, от этого дома, от этого окна, выходящего на черную воду. — Я поеду.

Мать кивнула, не став спорить.

— Хорошо. Тогда собирайся.

Она ушла вниз. Рори подошла к окну. Солнце вставало над лесом, заливая всё жидким золотом. Озеро было обычным. Просто большим, черным водоемом. Без огней, без фигур. Спокойным.

Она разжала ладонь и посмотрела на крестик. Маленький, старый, серебряный, с потертым распятием.

Ничего не случилось, сказала она себе в тысячный раз. Просто сон.

Но крестик в руке она сжимала до самой школы.

Глава 2. Новая

Солнце било в глаза сквозь неплотно задернутые шторы, и Рори зажмурилась, пряча лицо в подушку. Простыня была влажной и сбившейся в комок — она вертелась всю ночь, хотя не спала почти ни минуты. Вертелась и смотрела на дверь. Ждала.

Но дверь так и не открылась.

Рори села на кровати, растирая ладонями затекшую шею. В комнате было холодно — батареи здесь, кажется, не работали с прошлого века. Она поднесла руку к щеке — туда, где ночью касались ледяные пальцы. Кожа была обычной, теплой. Ни следа. Ничего.

Она натянула одеяло до подбородка и уставилась в стену.

Сон был слишком реальным. Она все еще слышала тот голос, идущий со дна колодца: «Освободи». Все еще видела, как девушка в белом тает в тумане, оставляя после себя только мокрый след на камнях.

Но это же сон. Просто сон.

Рори перевела взгляд на тумбочку. Крестик лежал там, где она оставила его ночью — маленький, серебряный, с потертым распятием. Значит, не приснилось. Значит, она действительно сжимала его в руке, когда мать нашла её утром в углу.

— Ты скоро? — голос матери донесся снизу, приглушенный расстоянием и скрипучими половицами. — Завтрак

стынет!

— Иду! — крикнула Рори и замерла, прислушиваясь к собственному голосу. Обычный голос. Почти.

Она спустилась вниз, стараясь не смотреть на стены с фотографиями. Но краем глаза все равно увидела ту женщину — светловолосую, в старомодной прическе. Та по-прежнему стояла у самого края фотографии, будто хотела выйти из нее. И смотрела прямо на Рори.

— Садись, — мать поставила на стол тарелку с яичницей и беконом. Сама она уже была одета, причесана, при полном макияже — собиралась на работу. — Ешь быстро, я тебя подброшу до школы, а то опоздаешь в первый же день.

Рори села, взяла вилку. Есть не хотелось совершенно. Кусок бекона напоминал резину, яйцо — безвкусную массу. Она жевала и смотрела в окно, выходявшее на задний двор, где сосны подступали к самому крыльцу. Между их стволами угадывалась черная полоса воды.

— Рори. — Мать села напротив, загородив обзор. — Ты меня слышишь?

— Что?

— Я говорю, если будут проблемы в школе — сразу звони. Мне, или в полицию. — Она помолчала. — Город маленький, люди здесь... специфические.

— Какие? — спросила Рори, откладывая вилку.

— Другие. — Мать отвела взгляд. — И не ходи одна к озеру. Особенно в темноте.

Она не стала объяснять, что значит «другие». И Рори не стала спрашивать. Между ними давно установилось неписаное правило: не лезть друг другу в душу. Так было проще выживать.

Мать высадила её у школы через десять минут. Красное кирпичное здание с облупившейся краской на оконных рамах и высокой трубой котельной, из которой валил белый пар, напоминало старые фотографии психиатрических лечебниц, которые Рори видела в каких-то книгах. То же ощущение тяжести, закрытости, безысходности.

— Ну, давай, — мать наклонилась, открывая дверцу. — Вечером увидимся.

Рори вышла. Машина уехала, оставив её одну на тротуаре перед школьными воротами.

Она стояла, сжимая в руках рюкзак, и чувствовала себя приговоренной к казни. Вокруг сновали ученики — обычные подростки в джинсах и куртках, с рюкзаками за плечами, с криками и смехом. Обычные. Нормальные. Не такие, как она.

Рори поймала себя на мысли, что впервые в жизни завидует нормальности. Завидует этим девчонкам, которые могут смеяться, не думая о том, что ночью к ним приходят призраки. Завидует парням, которые пинают мяч на школьном дворе и не знают, каково это — смотреть в черную воду и видеть там свое отражение, которое не ты.

— Эй, ты новенькая?

Голос раздался сзади, и Рори резко обернулась. Перед ней стояла девушка. Странная. Очень странная.

Длинное темно-зеленое платье с высоким воротником, старомодные ботинки на шнуровке, черные волосы, собранные в два пучка по бокам головы, как у принцессы Леи, только вместо светлого платья — этот мрачный наряд. На шее — деревянный крест, грубый, явно ручной работы. И глаза — живые, любопытные, изучающие.

Девушка улыбалась. Открыто, дружелюбно, и от этой улыбки Рори вдруг стало легче. Всего на грамм, но легче.

— Привет, — сказала странная девушка. — Я Лили. Лилиан Гринвуд, но, если назовешь меня Лилиан, я обижусь и перестану с тобой разговаривать. А разговаривать нам нужно, потому что ты новенькая, а я здесь главная по новеньким. Так заведено. Я сама себе эту должность придумала, но никто не спорит, потому что со мной спорить бесполезно. Ты как, любишь спорить?

Рори моргнула. Информации было слишком много, и она не успевала ее перерабатывать.

— Я... Рори, — выдавила она наконец.

— Рори? — Лили склонила голову набок, разглядывая её с неподдельным интересом. — Классное имя. Необычное. Звучит как у героини готического романа. Тебе идет. — Она сделала паузу и добавила уже серьезно: — У тебя взгляд такой... глубокий. Как будто ты уже видела что-то такое, чего другие не видели. Видела?

Рори вспомнила ночной кошмар. Девушку в воде. Ледяные пальцы на щеке. Черную гладь озера и огонек, гаснущий в темноте.

— Не знаю, — ответила она уклончиво.

— Ну и ладно, — легко согласилась Лили. — Потом расскажешь, если захочешь. Идем, провожу тебя в класс, а то ты тут потеряешься. Тут, знаешь, все коридоры одинаковые, как в лабиринте. Местный архитектор, говорят, был немного того, строил по принципу «чтобы дети не сбежали». Представляешь? Псих, наверное. Или просто детей не любил. У тебя есть братья или сестры?

— Нет.

— Повезло. У меня две младшие сестры, обе ужасные. Одна постоянно плачет, вторая постоянно орет. Дома как в сумасшедшем доме. Я поэтому и в школу с радостью хожу — хоть немного тишины. Хотя какая тут тишина, сама увидишь...

Лили тараторила без остановки, и Рори поймала себя на том, что слушает её с благодарностью. Голос Лили заполнял тишину, не оставляя места для мыслей о черной воде и горящих огнях. Она говорила так быстро, словно боялась, что если замолчит, случится что-то страшное. Или словно проверяла Рори на прочность — выдержит ли та этот поток или сломается.

Рори выдерживала.

Коридоры действительно были одинаковыми: бежевая

краска, коричневый линолеум, таблички с номерами кабинетов. На стенах — старые фотографии выпускников в рамках. Лица на них были серьезными, почти суровыми, одетые в старомодную форму, с одинаковыми прическами. Рори поймала себя на мысли, что разглядывает их слишком пристально, ищет знакомые черты. Ищет ту женщину.

— Смотри, — Лили вдруг остановилась и ткнула пальцем в одну из фотографий. — Видишь эту девочку?

Рори присмотрелась. Фотография была датирована 1978 годом. Ряд учеников — человек двадцать — стояли в три ряда перед школой. Лили указывала на девочку в первом ряду, худенькую, светловолосую, с серьезным лицом и очень светлыми глазами. Такими светлыми, что они казались почти прозрачными.

— Это моя тетя, — голос Лили вдруг стал тише, быстрый темп речи исчез, осталась только глухая, ровная печаль. — Она пропала в восемьдесят втором. Утонула в озере. Тело не нашли.

Рори почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Мне очень жаль, — сказала она, понимая, как беспомощно это звучит.

— Да ничего, — Лили пожала плечами, но улыбка ее стала натянутой. — Я ее не помню почти. Мне два года было, когда это случилось. Но мама говорит, она была хорошая. Добрая. Любила музыку. И воду любила. Говорят, в день смерти она пошла купаться, хотя уже холодно было. Октябрь, как сей-

час. И не вернулась.

Они стояли перед фотографией, и Рори смотрела в глаза девочки, которая умерла задолго до ее рождения. И вдруг ей показалось, что девочка смотрит в ответ. Так же, как та женщина на фотографии в их доме.

— Пойдем, — Лили дернула ее за рукав. — А то опоздаем. У нас первая литература, это мисс Моро, она страшная, как смертный грех, но на самом деле нормальная, если не спорить про символизм. Ты любишь книги?

— Люблю.

— О, тогда вы подружитесь. А это...

Лили влетела в класс и резко остановилась. Рори, шедшая за ней, едва не врезалась ей в спину и выглянула из-за плеча.

За первой партой, у окна, сидел парень. Светлые волосы падали на глаза, он что-то писал в тетради, не поднимая головы. Обычная серая толстовка, обычные джинсы, обычная внешность. Но Лили смотрела на него так, будто увидела привидение. Весь её словесный поток иссяк в одну секунду.

— Ной, — сказала она тихо. Почти шепотом.

Парень поднял голову. У него были серые глаза, почти прозрачные, и очень бледная кожа. Взгляд скользнул по Лили, по Рори, и в нем не было ни узнавания, ни интереса — только пустота. Такая глубокая пустота, что Рори стало не по себе.

— Привет, — ответил он ровно, без интонации, и снова уткнулся в тетрадь.

Лили постояла секунду, словно надеясь на что-то большее, потом вздохнула и потащила Рори к последней парте.

— Это Ной Кроуфорд, — прошептала она, усаживаясь. Голос её дрожал, хотя она пыталась это скрыть. — Играет на виолончели. Почти не разговаривает. Говорят, у него что-то случилось два года назад, но никто не знает что.

— А почему ты так смотрела?

— Мы дружили в детстве. — Лили теребила край рукава, не глядя на Рори. — С самого садика вместе. А потом он перестал со мной разговаривать. Просто перестал. В один день. Я приходила, звонила, писала — ноль. Как будто я умерла для него. Или он для меня.

В голосе Лили звучала такая боль, что Рори захотелось обнять её. Но вместо этого она спросила:

— А что случилось два года назад?

— Не знаю. — Лили покачала головой. — Никто не знает. Он просто... замкнулся. Ушел в себя. И все.

Рори посмотрела на Ноя. Тот сидел неподвижно, глядя в окно. За окном было озеро — отсюда, со второго этажа, его было видно особенно хорошо. Черная вода, серая полоска противоположного берега, белая точка маяка.

Что он там видит? — подумала Рори. *Что он там ищет?*

— Входит мисс Моро, — шепнула Лили. — Смотри не дыши, когда она будет проходить мимо. Шучу. Но почти.

Мисс Моро оказалась высокой, худой женщиной в тем-

но-синем платье с глухим воротником, застегнутым под самое горло. Седая прядь в черных волосах, узкое лицо, тонкие губы, которые, казалось, никогда не улыбались. Она вошла бесшумно — Рори не слышала шагов, хотя пол в коридоре скрипел, — закрыла дверь и обвела класс взглядом.

Когда ее глаза остановились на Рори, той показалось, что учительница смотрит слишком долго. Слишком пристально. Слишком... понимающе.

— У нас новая ученица, — сказала мисс Моро. Голос у нее был низкий, чуть хриплый, с непривычными интонациями, как у человека, который привык говорить на старом языке. — Представься.

Рори встала, чувствуя, как горят уши и как все взгляды в классе обращены на неё.

— Рори Блэквуд. Мы переехали из Бостона.

— Бостон, — повторила мисс Моро, и в ее голосе почувствовалась насмешка. — Большой город. Много людей. Много шума. Много света по ночам. — Она сделала паузу. — Добро пожаловать в тишину, Рори Блэквуд. Садись.

Урок прошел как в тумане. Мисс Моро говорила о романтизме, о Байроне, о «темных, мятежных душах, которые ищут смерти, потому что не находят места в этом мире». Голос её лился ровно, гипнотически, и Рори ловила себя на том, что проваливается в этот голос, как в сон.

— ...ибо что есть смерть, как не продолжение жизни иными средствами? — мисс Моро обвела класс взглядом. —

Поэты-романтики понимали это лучше других. Они не боялись смерти, они искали ее, призывали, воспевали. Для них смерть была возлюбленной, невестой, освободительницей. Особенно смерть в воде. Вспомните Офелию...

Рори вздрогнула. Вода. Опять вода.

Она почувствовала на себе чей-то взгляд и повернула голову. Через ряд от нее сидел парень: темные волосы, острые скулы, внимательные темные глаза. Он смотрел на нее не отрываясь, и когда она поймала его взгляд, не отвел глаза. Только чуть приподнял бровь, словно спрашивая: «Ну и кто ты такая?»

— Это Илай, — шепнула Лили. — Илай Торн. Сын шерифа. Смотри, как пялится.

— Вижу.

— Обычно он на всех смотрит как на пустое место, — Лили хмыкнула. — А ты ему, кажется, интересна. Может, влюбился с первого взгляда?

— Прекрати, — шикнула Рори, чувствуя, что краснеет.

Но взгляд Илая не отпускал ее до самого конца урока. В нем было что-то странное — не мальчишеское любопытство, не оценка внешности. Что-то другое. Настороженность. Узнавание. Вопрос.

После звонка Рори хотела подойти к Ною — Лили просила, хотя сама не решалась, — но её перехватили у двери.

— Торн, — представился парень, протягивая руку. У него была крепкая хватка и теплая ладонь. — Ты новенькая?

— Я уже представлялась на уроке.

— Я опоздал, — он улыбнулся, и улыбка у него была странная: открытая, но с тенью, как будто он знал что-то, чего не знали другие. — Проспал. Так откуда ты?

— Бостон.

— Город. — Он скривился, но скорее для вида, чем все-ррез. — Тут тебе будет скучно. Ничего не происходит. Ну, кроме случаев, когда происходит.

Он загнулся, и тень в глазах стала глубже.

— Каких случаев? — спросила Рори.

— Да так. — Он пожал плечами. — Мелочи. Люди иногда пропадают. Но это редко. Ты не бойся.

— Я и не боюсь.

— Правильно. — Он окинул её взглядом, и в этом взгляде было что-то оценивающее. — Слушай, хочешь, покажу город после школы? А то заблудишься. Тут лес вокруг, озеро. Можно утонуть, если не знать дороги.

Снова вода. Снова утонуть.

— Соглашайся, — вмешалась Лили, возникая рядом. — А то он обидится, и тогда тебе конец. Илай Торн не прощает отказов.

— Заткнись, Гринвуд, — беззлобно бросил Илай. — Ну что, идем?

Рори посмотрела на Ноя, который уже выходил из класса, не оглядываясь. На Лили, которая делала ей страшные глаза и кивала на Илая. На Илая, который ждал ответа, спокойно

и уверенно.

— Хорошо, — сказала она. — Идем.

Они пошли вдоль берега.

Илай оказался хорошим гидом — он знал каждый уголок Силвер-Лока, каждую тропинку, каждый старый дом. Он рассказывал о городе с той особенной гордостью, с какой местные жители говорят о своих местах, даже если места эти — глушь, в которой ничего не происходит.

— Это старая пристань, — он показал на полуразрушенный пирс, уходящий в воду. — Раньше тут пароходы останавливались, туристов возили. А потом озеро объявили опасным для купания, и все закрылось.

— Почему опасным?

— Водоросли. — Илай пожал плечами. — И течение подводное. Говорят, сильное. Людей затягивало.

— Много?

— Хватало.

Он пошел дальше, не оборачиваясь. Рори смотрела на пирс. Доски были серыми, скользкими от влаги, кое-где провалившимися. Вода под ними была черной, непроницаемой. Казалось, там, в глубине, кто-то смотрит в ответ.

— Не стой там, — крикнул Илай. — Идем.

Она догнала его. Тропинка вела вдоль берега, то поднимаясь на холмы, то спускаясь к самой воде. Лес подступал близко, сосны тянули ветви к небу, и в их шепоте Рори чудились голоса.

— А это маяк, — сказал Илай, когда они вышли на открытое место, и ветер с озера ударил в лицо, холодный, влажный, пахнувший рыбой и тиной. — Самый старый в округе. До сих пор работает, хотя им почти никто не пользуется. Смотритель — Саймон Хейл. Чокнутый старик. Живет там один с тех пор, как его жена утонула.

Рори смотрела на маяк. Белая башня с черной крышей, высокая, стройная, стояла на самом краю мыса, и волны разбивались о скалы внизу. Наверху горел свет, хотя до вечера было далеко.

— Можно зайти?

— Не советую. — Илай сунул руки в карманы куртки. — Он никого не пускает. А если пустит, то ты оттуда выйдешь не такой, как вошла. Так говорят.

— А ты веришь?

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Ветер трепал его темные волосы, глаза сузились от яркого света, отражающегося от воды.

— Я здесь родился, — сказал он наконец. — Я верю всему, что говорят про это место. Потому что половина — правда.

— А вторая половина?

— Еще большая правда.

Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

Они пошли дальше. Галька скользила под ногами, и Рори несколько раз чуть не упала. Илай поддерживал ее за локоть,

но молчал, и это молчание было тяжелым, наполненным.

— А что случилось с Ноем? — спросила она вдруг, когда тишина стала невыносимой.

Илай остановился.

— С Ноем Кроуфордом?

— Лили сказала, он перестал с ней разговаривать. Что-то случилось два года назад.

Он молчал так долго, что Рори решила — не ответит. Но потом заговорил, глядя на воду, и голос его был тихим, ровным, почти без интонаций.

— Его старший брат утонул в озере. Два года назад, летом. Купался ночью с друзьями, заплыл слишком далеко. Тело так и не нашли. А Ной был с ним. Он остался на берегу, но говорят, он видел... что-то. Что-то, что затащило брата под воду. С тех пор он молчит. Почти ни с кем не говорит. Играет на своей виолончели и смотрит в одну точку.

Рори почувствовала, как холодок пробегает по спине.

— А Лили?

— Они дружили. Она пыталась его поддержать, а он... закрылся. Может, напоминает ему о том, что он потерял. Может, просто не хочет никого видеть. Не знаю.

Они стояли на берегу, и ветер трепал волосы. Рори смотрела на черную воду и думала о том, что ее сон про девушку в белом платье был не просто сном.

— Илай, — сказала она медленно. — А ты веришь в призраков?

Он повернулся к ней. Взгляд его был странным — тяжелым, изучающим.

— А ты видела что-то?

Рори хотела ответить «нет». Хотела отшутиться, перевести разговор, сделать вид, что ничего не было. Но что-то внутри не дало ей соврать.

— Не знаю, — ответила она честно. — Может быть.

— Если видела, молчи, — сказал он резко. — Не рассказывай никому. Особенно здесь. Особенно у озера.

— Почему?

— Потому что, если она узнает, что ты ее видишь, она не отстанет.

— Кто она?

Но он уже пошел прочь, быстро, почти бегом, и Рори пришлось догонять его, спотыкаясь о камни.

Она не заметила, как на воде, далеко за маяком, зажегся маленький голубоватый огонек. И погас. И зажегся снова. Теперь их было два.

На обратном пути, когда они уже подходили к городу, Рори замерла перед витриной маленького магазина, который не заметила утром. Он стоял в тени старого клена, прижавшись к стене соседнего дома, и казалось, сама тьма копилась под его крышей.

Вывеска гласила: «Моро. Книги и редкости». Буквы были старомодными, выведенными золотой краской, которая облупилась и потускнела от времени. За стеклом, в пыльном

полумраке, угадывались очертания старых ламп, подсвечников, шкатулок и стопки книг в потрепанных переплетах.

— Зачем тебе туда? — спросил Илай, останавливаясь рядом. В голосе его звучало беспокойство. — Там только старье.

— Я люблю старье, — ответила Рори, не отрывая взгляда от витрины. — В старых вещах есть душа.

— В этой лавке слишком много душ, — буркнул Илай. — Ладно, мне пора. Отец ждет. Ты дойдешь сама?

— Дойду.

Он кивнул и ушел, быстро, почти бегом, словно спасался от чего-то. Рори посмотрела ему вслед, потом снова на магазин.

Дверь была приоткрыта. Совсем чуть-чуть, на ширину ладони, но достаточно, чтобы увидеть щель темноты внутри.

Рори толкнула дверь.

Над головой звякнул колокольчик — старый, медный, с глубоким протяжным звуком, который, казалось, длился целую вечность. Эхо прокатилось по магазину, отразилось от стен, от книжных полок, от стеклянных глаз чучела совы и вернулось к Рори легким холодком по спине.

Внутри пахло пылью. Не той противной пылью, от которой хочется чихать, а старой, благородной пылью веков — смесью бумажной трухи, древесного тлена, воска от старых свечей и чего-то сладкого, похожего на ладан или сушеные травы. Этот запах обволакивал, успокаивал, погружал в ка-

кое-то особенное состояние, когда время течет иначе — медленнее, тягучее.

Рори огляделась.

Она стояла в узком проходе между двумя стеллажами, уходящими под самый потолок. Книги, тысячи книг заполняли полки от пола до верха. Старые, в кожаных переплетах, с золотым тиснением на корешках, с потрескавшимися уголками. Некоторые стояли ровными рядами, другие лежали стопками, третьи были воткнуты кое-как, создавая впечатление творческого хаоса.

На верхних полках, куда нельзя было дотянуться без лестницы, громоздились коробки, свертки, какие-то непонятные предметы. Тени играли с ними в прятки, и от этого казалось, что они шевелятся, дышат, живут своей особенной жизнью.

Чучело совы на шкафу смотрело на неё желтыми стеклянными глазами. В углу тикали часы: большие, напольные, с маятником, который раскачивался медленно, тяжело, словно отсчитывал не секунды, а годы. Тик-так. Тик-так. Тик-так.

В глубине, за прилавком, сидела женщина.

Мисс Моро.

Она была в том же темно-синем платье, что и на уроке, только сейчас на плечи была наброшена вязаная шаль с длинной бахромой. Седая прядь в черных волосах выделялась особенно ярко в полумраке. В руках у неё была раскрытая книга — толстый фолиант в кожаном переплете, с пожелтевшими страницами, исписанными старомодным почерком

с завитушками.

— Рори Блэквуд, — сказала мисс Моро, и голос её прозвучал в тишине как удар колокола. — Заходи. Я ждала тебя.

Рори шагнула внутрь. Пол скрипнул под ногами — один раз, жалобно, будто предупреждая о чем-то.

— Здравствуйте, — сказала она, и голос её прозвучал тихо, почти шепотом. — Я... увидела вывеску. Решила зайти.

— Конечно, зашла. — Мисс Моро закрыла книгу. Облачко пыли взметнулось над страницами, закружилось в луче света, падающем откуда-то сверху. — Я знала, что ты придешь. Такие, как ты, всегда приходят. Вопрос только — когда.

— Какие — такие? — спросила Рори.

Мисс Моро посмотрела на неё долгим взглядом. Очень долгим.

— Которые видят то, чего нет. Слышат то, что молчит. Чувствуют то, что давно умерло.

Рори похолодела.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Понимаешь. — Мисс Моро поднялась из-за прилавка. Движения её были плавными, почти кошачьими. — Ты видела её прошлой ночью. Девушку в белом. На озере.

Это был не вопрос. Это был приговор.

— Откуда вы... — начала Рори и осеклась.

— Потому что я тоже видела. — Мисс Моро подошла к ней почти вплотную. От неё пахло ладаном и старостью. —

Много лет назад. И потому что я знаю историю этого места. Историю, которую ты только начинаешь узнавать.

Рори смотрела на неё, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Кто она? — спросила она. — Девушка в воде?

Мисс Моро подошла к одному из стеллажей, сняла с полки небольшую шкатулку. Вернулась к прилавку, поставила её перед Рори.

— Её зовут Элино́р. Элино́р Вейн. — Она открыла крышку. — И она ждала тебя сто лет.

Внутри, на истлевшем бархате, лежала фотография. Старая, выцветшая, с загнутыми углами. На ней была девушка в старомодном платье — конец девятнадцатого века, судя по фасону. Девушка стояла на берегу, на том самом месте, где сегодня стояла Рори с Илаем. Светлые волосы, уложенные в высокую причёску. Большие светлые глаза. И лицо — точь-в-точь лицо той утопленницы из сна.

Рори выронила фотографию, отшатнулась, ударилась спиной о полку. Книжки посыпались на пол, поднимая пыль.

— Это она, — прошептала Рори. — Та самая.

— Элино́р Вейн, — подтвердила мисс Моро, поднимая фотографию. — Сделано за неделю до ее смерти.

— Зачем вы мне это показываете?

— Чтобы ты знала, с кем имеешь дело. — Мисс Моро стряхнула пыль с фотографии и снова убрала ее в шкатулку. — Чтобы не боялась. Она не причинит тебе зла. Она хочет только правды.

— Я не могу ей помочь. Я ничего не знаю.

— Узнаешь. — Мисс Моро взяла с прилавка стеклянный шар, внутри которого плавали светящиеся точки, похожие на светлячков. — Возьми это. Ловец света. Он поможет тебе видеть яснее. И защитит от того, что приходит во тьме.

Рори взяла шар. Он был теплым, хотя стекло должно быть холодным. Внутри точки двигались, перетекали друг в друга, создавая узоры.

— Не ставь его у окна, — предупредила мисс Моро. — И не смотри в него ночью, если услышишь колокол. Просто держи в руках и дыши ровно.

— Почему? Что случится?

— Ничего, если будешь делать, как я говорю. — Мисс Моро взяла ее за руку. Пальцы у нее были холодными, сухими, как у покойницы. — Слушай меня внимательно, Рори Блэквуд. В этом городе не все так, как кажется. Озеро не просто озеро. Оно живое. Оно помнит тех, кто в нем утонул. И оно зовет тех, кто может слышать. Ты слышишь?

Рори кивнула.

— Тогда знай: не отвечай. Никогда не отвечай. Если услышишь, как кто-то зовет тебя по имени — не оборачивайся. Если увидишь свет на воде — не смотри. Если тебе покажется, что ты видишь утопленника — беги. Беги без оглядки.

— А если я уже видела?

Мисс Моро посмотрела на нее долгим взглядом.

— Тогда молись, чтобы она не увидела тебя в ответ.

Колокольчик над дверью звякнул.

Рори обернулась.

В дверях стоял Ной Кроуфорд. Бледный, как бумага, с темными кругами под глазами. Он смотрел на нее, на мисс Моро, на шар в ее руках — и в глазах его мелькнуло что-то живое. Страх? Узнавание?

— Ной, — начала Рори.

Но он развернулся и вышел, прежде чем она успела сказать еще слово.

— Стой! — крикнула Рори и выбежала за ним.

Он шел быстро, почти бежал, лавируя между прохожими. Рори догнала его только у самой церкви, схватила за рукав.

— Подожди! Ной!

Он остановился. Повернулся. Глаза у него были пустые, как у человека, который смотрит внутрь себя и не видит ничего снаружи. Но в этой пустоте Рори почувдилась боль. Огромная, невыносимая, готовая выплеснуться наружу.

— Что ты там делала? — спросил он. Голос оказался низким, чуть хриплым, как у человека, который редко говорит.

— Зашла просто. Купила... это. — Она показала шар.

Ной посмотрел на шар, и в его глазах мелькнуло что-то живое. Он протянул руку, коснулся стекла кончиками пальцев и отдернул, словно обжегся.

— Она дала тебе ловец? — Он почти выдохнул это слово. — Убери. Не смотри на него ночью. Не ставь у окна.

— Почему?

— Потому что свет привлекает тех, кто в воде. — Он сглотнул, и кадык дернулся на худой шее. — Я знаю. Я потерял брата. Он тоже смотрел на свет.

Рори замерла.

— Твой брат... он тоже видел?

— Он видел ее. Каждую ночь. Она приходила к нему во снах, звала. Он говорил, что она прекрасна, что она любит его, что они будут вместе. А потом он ушел в воду и не вернулся.

Голос Ноя дрогнул. Он отвернулся, пряча лицо.

— Я тоже ее вижу, — тихо сказала Рори. — Со вчерашней ночи.

Ной резко обернулся. В глазах его теперь был не страх, а ужас.

— Тогда берегись, — сказал он. — Если она выбрала тебя, она не отстанет. Берегись.

И прежде, чем Рори успела спросить еще что-то, он ушел, растворившись в сумерках, которые уже начали сгущаться над городом.

Рори стояла одна у церкви, сжимая в руках теплый стеклянный шар, и смотрела на черную воду озера.

На воде горели огоньки. Теперь их было два.

Глава 3. Лавка старых вещей

Тени выползали из леса, как чернила из опрокинутой бутылки.

Рори шла обратно в город одна, и с каждым её шагом тьма сгущалась, обретала плоть, дышала в спину влажным, холодным ртом. Илай ушел к отцу, бросив на прощание: «Не задерживайся, тут темнеет быстро». Она и не собиралась задерживаться, но ноги сами замедлили шаг, когда она увидела вывеску.

Днём её здесь не было. Рори готова была поклясться — утром, когда они проходили мимо, на этом месте стоял обычный жилой дом с заколоченными окнами. А теперь, в тени старого клена, прижавшись к стене соседнего здания так плотно, будто хотело в ней раствориться, стояло оно.

Магазин.

Вывеска была старомодной, с золотой краской, которая облупилась и потускнела, но буквы читались четко: «**Моро. Книги и редкости**». За пыльным стеклом витрины угадывались очертания старых ламп, стопки книг в потрепанных переплетах и что-то еще, что Рори не могла разглядеть, но что, она чувствовала, *смотрело* на неё в ответ.

Внутри горел свет. Теплый, желтый, приглашающий.

Рори остановилась. В груди шевельнулся знакомый холодок — предчувствие. Шар в кармане куртки, тот, что дал

Илай, чуть заметно вибрировал.

Дверь была приоткрыта. Совсем чуть-чуть, на ширину ладони.

Рори толкнула её.

Колокольчик над головой не звякнул — он *вдохнул*. Протяжно, глухо, словно нехотя просыпаясь от вековой спячки. Звук покотился вглубь помещения, отразился от невидимых стен и вернулся к ней легким холодком по затылку.

Внутри пахло временем.

Это был сложный, многокомпонентный запах, который Рори вдохнула и не смогла выдохнуть несколько секунд. Здесь пахло бумажной трухой, ладаном, сушеными травами, воском от старых свечей и еще чем-то неуловимым, металлическим, как запах старой воды, застоявшейся в закрытом подвале.

Книжные стеллажи уходили под самый потолок, теряясь в темноте. Тысячи книг в кожаных переплетах с золотым тиснением на корешках. Между ними, на полках, теснились другие вещи: старые фотографии в почерневших рамках, фарфоровые куклы с пустыми глазами, подсвечники с оплывшими свечами, шкатулки всех размеров.

На высоком шкафу сидела сова. Чучело. Желтые стеклянные глаза смотрели на Рори немигающе. Из угла доносилось тиканье — большие напольные часы с тяжелым маятником. Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Рори сделала шаг, другой. Пол скрипнул под ногами с про-

тяжким надрывом. Она шла на свет, туда, где за массивным деревянным прилавком сидела женщина.

Мисс Моро была в том же темно-синем платье, только на плечи была наброшена вязаная шаль. Седая прядь в черных волосах горела серебром в свете настольной лампы. В руках она держала раскрытую книгу — тяжелый фолиант с пожелтевшими страницами.

Она не подняла головы, когда Рори вошла. Просто сидела и читала.

Рори остановилась в двух шагах от прилавка, не решаясь нарушить тишину.

— Рори Блэквуд.

Голос мисс Моро прозвучал как удар колокола. Она подняла голову, и её глаза — темные, глубокие, с каким-то древним, усталым знанием — встретились с глазами Рори. В них не было удивления. Было только тихое, терпеливое ожидание.

— Заходи, — сказала она, закрывая книгу. Облачко пыли взметнулось над страницами. — Я ждала тебя.

Рори сглотнула.

— Вы... вы ждали меня? — выдавила она. — Но мы ведь даже не знакомы.

— Мы знакомы, — мисс Моро покачала головой. — Я видела тебя на уроке. Я видела твои глаза. Глаза человека, который уже заглянул за грань. И я знала, что ты придешь. Такие, как ты, всегда приходят.

Рори шагнула ближе, вцепившись пальцами в край прилавка.

— Я не понимаю, — прошептала она. — О чем вы?

— Не притворяйся, девочка. — В голосе мисс Моро не было строгости, только бесконечная усталость. — Ты видела сон. Девушку в воде. Белое платье. Черные глаза. Колокол. Огоньки на озере.

Каждое слово было ударом по стене отрицания, которую Рори пыталась выстроить.

— Откуда вы знаете? — выдохнула она.

— Потому что я тоже её видела, — просто ответила мисс Моро. — Много лет назад. И потому что я знаю историю этого места. Историю, которую ты только начинаешь узнавать.

Она поднялась, подошла к стеллажу, безошибочно сняла с полки небольшую шкатулку. Потемневшее серебро, резная крышка с символами — круги, пересеченные линиями.

— Открой, — велела она.

Рори протянула руку. Крышка поддалась с протяжным скрипом.

Внутри, на истлевшем бархате, лежала фотография.

Девушка стояла на берегу — на том самом месте, где сегодня стояла Рори. В старомодном платье конца девятнадцатого века, с высокой кружевной горловиной. В руках она держала букет белых лилий.

И лицо у неё было точь-в-точь лицо той утопленницы из сна.

Фотография выпала из ослабевших пальцев Рори. Она отшатнулась, врезалась спиной в стеллаж. Книги посыпались на пол с глухим стуком.

— Это она, — выдохнула Рори. — Та самая.

— Элинор Вейн, — подтвердила мисс Моро, поднимая фотографию. — Снимок сделан за неделю до её смерти.

— Зачем вы мне это показываете?

— Чтобы ты знала, с кем имеешь дело. — Мисс Моро убрала снимок в шкатулку. — Она не причинит тебе зла. Она хочет правды.

— Я ничего о ней не знаю!

— Узнаешь. — Мисс Моро взяла с прилавка стеклянный шар, внутри которого, в мутной смоле, плавали светящиеся точки. — Возьми. Ловец света. Он поможет тебе.

Рори взяла шар дрожащими руками. Стекло оказалось теплым. Тепло разливалось по ладони, поднималось выше, успокаивая бешеный стук сердца.

— Не ставь его у окна, — голос мисс Моро стал жестким. — Никогда. И не смотри в него, если услышишь колокол. Просто держи в руках и дыши.

— Почему вы мне помогаете? — спросила Рори тихо. — Я вам никто.

Мисс Моро посмотрела на неё долгим взглядом. И в этом взгляде Рори увидела одиночество. Такое же глубокое, как у неё самой.

— Потому что я была на твоём месте, — сказала она тихо.

— Сорок лет назад. Я тоже видела Элино́р. Тоже слышала колокол. Но я испугалась. Отказалась. И она ушла к другому. К тому, кто утонул два года назад. К брату Ноя.

Рори замерла.

— Майкл? — выдохнула она.

— Да. — Мисс Моро кивнула. — Он был проводником. Слабым, но проводником. И она пришла к нему. А он не смог устоять. Он ушел под воду и не вернулся. И это моя вина.

В лавке повисла тишина. Тяжелая, давящая.

— Я помогу ей, — сказала Рори твердо. — Я сделаю то, что не смогли вы.

Мисс Моро подняла на неё глаза. В них блеснуло что-то — надежда?

— Будь осторожна, Рори Блэквуд. Она не злая. Но она — призрак. А призраки опасны для живых.

Колокольчик над дверью вздохнул.

Рори обернулась.

В дверях стоял Ной. Бледный до синевы, с темными кругами под глазами. Он смотрел на шар в её руках — и в глазах его мелькнуло что-то живое. Страх.

— Ной, — начала Рори.

Но он развернулся и вышел, прежде чем она успела сказать ещё слово.

— Стой! — крикнула Рори и выбежала за ним.

Она догнала его у церкви, схватила за рукав.

— Что ты там делала? — спросил он. Голос хриплый, как

у человека, который редко говорит.

— Зашла. Купила... это. — Она показала шар.

Ной посмотрел на шар, протянул руку, коснулся стекла... и отдернул, словно обжегся.

— Ловец, — выдохнул он. — Убери. Не смотри на него ночью. Не ставь у окна.

— Почему?

— Потому что свет привлекает тех, кто в воде. — Он сглотнул. — Я знаю. Я потерял брата. Он тоже смотрел на свет.

Рори замерла.

— Ты её видел?

Ной молчал. Потом кивнул один раз.

— Она приходила к нему. Каждую ночь. А потом он ушёл в воду.

— Я тоже её вижу, — тихо сказала Рори.

Ной резко обернулся. В глазах его теперь был не страх, а ужас.

— Тогда берегись, — сказал он. — Если она выбрала тебя, она не отстанет. Берегись.

Он ушёл, растворившись в сумерках. Рори осталась одна. Она посмотрела на озеро.

На воде горел огонёк. Один. Маленький, дрожащий, голубоватый. Он горел ровно, не мигая, словно кто-то зажег свечу и поставил её на воду. Смотрел прямо на Рори.

Рори смотрела в ответ. Не отводила взгляд. Чувствуя, как

страх внутри сменяется решимостью.

— Я помогу, — прошептала она ветру, воде, огоньку. — Я обещаю.

Огонек мигнул один раз — словно в знак благодарности — и погас.

Тьма сомкнулась над озером.

Рори постояла еще немного, сжимая в руках теплый шар, потом повернулась и пошла домой. В кармане куртки, рядом с ловцом света, лежал маленький гладкий камешек, который она подобрала на берегу днем. Она сжала его в кулаке — якорь, талисман, напоминание о том, что в этом мире есть не только призраки, но и живые люди.

Домой она вернулась затемно. Мать уже была дома, сидела на кухне, курила в форточку. Увидев Рори, облегченно выдохнула.

— Где ты была?

— Гуляла, — коротко ответила Рори. — Я спать. Устала.

Она поднялась в свою комнату, не включая свет. Села на кровать, глядя в окно на черный прямоугольник озера. Шар положила на тумбочку. Светлячки внутри мерцали ровно, успокаивающе.

— Я не подведу тебя, Майкл, — прошептала Рори в темноту. — И тебя, Элинор. Я узнаю правду.

Она легла, свернулась калачиком под одеялом и закрыла глаза.

Сон пришел сразу. Глубокий, темный, без сновидений.

И это было хорошо.

Глава 4. Ночные голоса

Вечер опустился на Силвер-Лок внезапно, как занавес в театре, который падает, обрывая действие на полуслове. Еще минуту назад небо было серым, но светлым — тем особенным предзакатным светом, когда все предметы отбрасывают длинные тени и кажутся больше, значительнее, чем на самом деле, — а теперь тьма хлынула отовсюду сразу. Из леса, который впустил ее в себя, как легкие впускают воздух. С озера, где черная вода вобрала последние отблески заката и погасила их в своей глубине. Из-за туч, которые напозднили на небо тяжелой ватной массой, закрыв последние проблески умирающего солнца.

Рори шла домой одна, сжимая в кармане куртки теплый стеклянный шар. Ловец света. Она чувствовала его сквозь ткань — пульсирующее, живое тепло, которое то ли успокаивало, то ли, наоборот, настораживало еще больше. Мысли путались. Встреча с мисс Моро, фотография Элинор, слова о Майкле, о вине, о том, что она, Рори, теперь какая-то «проводница». И Ной. Его перекошенное ужасом лицо, когда он сказал: «Если она выбрала тебя, она не отстанет».

Тропинка от церкви вела вдоль берега, потом ныряла в лес и выходила прямо к их дому. Рори знала этот путь всего второй день, но ноги уже запоминали его: где повернуть, где пригнуться, чтобы не задеть низкую ветку, где ступать осто-

рожнее, потому что под ногами предательски скользят сосновые иголки, перемешанные с гниющими листьями. Сейчас, в темноте, лес казался чужим, враждебным. Каждая тень за деревом могла быть кем-то. Каждый шорох — чьим-то шепотом.

Она думала об Элинор. О девушке с фотографии, которая улыбалась в объектив, не зная, что ей осталась неделя. О том, как та тонула — в видении из первого сна? Или это был просто кошмар? Рори уже перестала понимать, где заканчивается реальность и начинается то, другое.

— Почему я? — прошептала она в пустоту леса. — Почему именно я?

Лес не ответил. Только ветер качнул ветви сосен, и они зашумели: тихо, печально, словно вздыхали о чем-то своем, древнем, забытом. Или предупреждали.

Рори ускорила шаг. Тени сгушались с каждой минутой, и теперь ей казалось, что за каждым деревом кто-то прячется. Что темнота между стволами — не просто отсутствие света, а нечто живое, дышащее, наблюдающее. Она слышала это дыхание — тихое, ровное, древнее. Сосны шептались о чем-то своими кронами, передавая друг другу новости ветра. Где-то в глубине ухнула сова — сначала один раз, потом второй, потом замолчала, будто подавилась собственным криком. Под ногами хрустели сухие ветки, и каждый хруст отдавался в груди испуганным стуком сердца.

Рори сжимала шар сильнее. Он грел ладонь, и это тепло

поднималось выше по руке, растекалось по плечу, успокаивая, убаюкивая. «Ловец света», — сказала мисс Моро. «Не ставь его у окна. И не смотри в него ночью, если услышишь колокол».

Она тогда не спросила, что значит «если услышишь колокол». Сейчас, в темноте, этот вопрос всплыл снова, холодком пробежал по спине. Колокол, который слышала только она. Колокол, от которого расходились круги по воде.

Лес расступился, и перед ней открылся дом.

Он стоял на своем месте — серый, двухэтажный, с верандой и пустым креслом-качалкой, которое мерно покачивалось от ветра, хотя ветра не было. Окна светились теплым желтым светом. Кухня, спальня матери, и ее комната на втором этаже — темная, с незадернутыми шторами.

Рори замерла, вглядываясь в этот темный прямоугольник. Ей показалось, что за стеклом мелькнула тень. Секундное движение, тут же исчезнувшее. Она зажмурилась, протерла глаза. Тень не повторилась.

— Показалось, — сказала она вслух, чтобы убедить себя.

Толкнула калитку, прошла по дорожке к крыльцу. Дверь была не заперта — мать всегда оставляла открытой, когда ждала её. Рори шагнула через порог и оказалась в прихожей, где пахло сыростью, старым деревом и почему-то рыбой — тем самым запахом, который преследовал ее с первого дня в этом городе.

Из кухни доносились звуки: шипение масла на сковороде,

звон посуды, негромкое бормотание радио. Мать была дома. Мать готовила ужин. Это было так необычно, так... нормально, что Рори на секунду растерялась.

— Рори? — крикнула мать из кухни. — Ты?

— Я, — отозвалась Рори, снимая куртку.

Она прошла на кухню и остановилась в дверях, просто чтобы посмотреть. Мать стояла у плиты, помешивая что-то в сковородке. На ней был старый домашний халат, волосы небрежно собраны в пучок на затылке. Она выглядела уставшей, но довольной — той особенной усталостью человека, который наконец-то добрался до дома после долгого дня.

— Ты рано, — сказала Рори.

— Сегодня пятница, — мать обернулась, улыбнулась. — Начальница отпустила пораньше. Сказала, что первую неделю надо отдыхать, а не вкалывать. Представляешь? Человечное начальство. Я уже и забыла, что такое бывает.

Рори попыталась улыбнуться в ответ, но улыбка вышла натянутой.

— Садись, — мать кивнула на стол. — Сейчас ужин будет. Я тут нахимичила кое-что по маминому рецепту. Помнишь, бабушка готовила?

Рори помнила. Смутно, как сквозь толщу воды — бабушкин дом в пригороде, запах пирогов, сухие теплые руки. Это было так давно, что казалось сном.

Она села за стол, положив руки перед собой. Шар в кармане куртки, оставленной в прихожей, жег кожу сквозь ткань.

Она физически чувствовала его там, зовущий, требующий внимания.

— Устала? — спросила мать, ловко переворачивая котлеты.

— Нормально.

— В школе как прошло?

— Нормально.

— С Лили подружилась?

— Да.

— А с тем парнем, с которым вы гуляли? Илай, кажется?

Рори посмотрела на мать. Та старалась говорить небрежно, но в глазах горело любопытство. Материнское. Навязчивое. Раздражающее.

— Нормально, — повторила Рори.

Пауза повисла в воздухе тяжелая, как камень. Мать перестала улыбаться. Взяла тарелку, положила котлету, картофельное пюре, полила подливкой. Поставила перед Рори. Села напротив со своей тарелкой.

— Рори, — начала она осторожно. — Ты какая-то... не такая. С самого приезда. Я понимаю, переезд — это стресс. Новая школа, новые люди. Но ты даже со мной не разговариваешь.

— Я разговариваю.

— Односложно. — Мать отложила вилку. — Я же вижу, что с тобой что-то происходит. Ты плохо спишь, по ночам бродишь, днем какая-то заторможенная. Если что-то случи-

лось, ты можешь мне рассказать. Я не враг.

Рори смотрела в тарелку, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. Рассказать. Как просто сказать это слово. Но что рассказывать? Про призрака, который приходит по ночам? Про колокол, который слышит только она? Про убийство столетней давности, которое ей показали во сне? Мать отправит ее к психологу. Или, что еще хуже, поверит. И тогда придется втягивать её в этот кошмар. А мать и так настрадалась. Развод, переезд, новая работа. Она не заслужила этого.

— Всё нормально, мам, — сказала Рори, заставляя себя улыбнуться. — Правда. Просто привыкаю. Ты же знаешь, я всегда тяжело привыкаю к новому.

Мать смотрела на неё долгим взглядом. В нем было столько всего: тревога, любовь, желание защитить и понимание, что её не пускают. Рори видела это и чувствовала себя последней предательницей.

— Ладно, — сказала мать наконец. — Не хочешь говорить — не говори. Но запомни: я всегда рядом. Что бы ни случилось.

— Знаю, мам.

Они ели в тишине. Тяжелой, давящей тишине, которую не нарушало даже радио — оно вдруг замолчало, будто тоже почувствовало напряжение. Рори заставляла себя жевать, хотя кусок в горло не лез. Котлета казалась картонной, пюре — безвкусным. Она думала о том, что сидит напротив самого близкого человека и врет ей. Врет в глаза. И ничего не

МОЖЕТ С ЭТИМ ПОДЕЛАТЬ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.